

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Мистические рассказы

*Гарсиа Маркес, Астуриас,
Борхес, Кортасар, Фуэнтес*

Хулио Кортасар

ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТОК

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157562

Гарсиа Маркес, Астуриас, Борхес, Кортасар, Фуэнтес «Мистические рассказы», серия «Мировая классика»: АСТ, Фолио; Москва; 2002

Аннотация

В увлекательных рассказах популярнейших латиноамериканских писателей фантастика чудесным образом сплелась с реальностью: магия индейских верований влияет на судьбы людей, а люди идут исхоженными путями по лабиринтам жизни.

Хулио Кортасар

Желтый цветок

Вы будете смеяться, но мы бессмертны. Я это вывел из обратного – из того, что знаю единственного смертного. Он рассказал мне свою историю в бистро на улице Камброн. Человек был настолько пьян, что ему ничего не стоило говорить правду, неважно, что хозяин и завсегдатаи за стойкой гоготали так, что у них вино из глаз текло. Должно быть, на моем лице он прочитал некоторый интерес, потому что вцепился в меня мертвой хваткой, и мы позволили себе роскошь уединиться за столиком в углу, где можно было спокойно выпить и поговорить. Он сказал мне, что раньше был муниципальным служащим здесь, в Париже, а теперь вышел на пенсию, что жена его давно уехала погостить к родителям (видно, хотел дать понять, что она его бросила). У него было высохшее лицо и лихорадочный взгляд. Вот уж кто пил, чтобы забыться, – он все время провозглашал это, начиная с пятого стакана красного вина. Я не учуял его специфического чисто парижского запаха, который, по-моему, чувствуем только мы, иностранцы. И ногти у него были подстрижены, и никакой перхоти.

Он рассказал мне, что однажды в 95-м автобусе увидел

мальчика лет тринадцати и, взглядевшись, обнаружил, что мальчик был очень похож на него, по крайней мере, таким он себя помнил в детстве. Мало-помалу он убедился, что мальчик походил на него как две капли воды: лицом, руками, челкой, падающей на лоб, широко поставленными глазами, а еще больше робостью, манерой прятаться за журнал с комиксами, откидывать назад волосы, своей неуклюжестью. Он был настолько похож, чуть ли не до смешного, что, когда мальчик сошел на улице Ренне, он сошел с ним и подвел приятеля, напрасно прождавшего его на Монпарнасе. Он выискал предлог, чтобы заговорить с мальчиком, спросил его про какую-то улицу и уже безо всякого удивления услышал голос, который был в детстве его голосом. Мальчик шел в ту сторону, они робко прошли бок о бок несколько кварталов. Тогда-то его и озарило. Ничего не было объяснено, однако существовало нечто вне объяснений, нечто расплывавшееся и терявшее смысл, едва его пытались объяснить.

В общем, ему удалось проникнуть в дом, познакомиться с родными мальчика, и престиж бывшего инспектора бойскаутов открыл ему путь в крепость из крепостей – парижскую семью. Он увидел там бедность, не выходящую, однако за рамки приличия; мать, казавшуюся старше своих лет, дядю-пенсионера, двух котов. Потом он легко уговорил одного из своих братьев отпустить с ним сынишку, которому шел четырнадцатый год, и мальчики подружились. Он стал каждую неделю приходить к Люку; мать подогрела ему старый

кофе, они говорили о войне, об оккупации и о Люке. То, что началось как озарение, постепенно обретало форму, и вырисовывался четкий контур того, что люди любят величать роком. Даже стало возможно выразить это обычными словами: Люк был его повторением, его продолжением – значит, мы все бессмертны!

– Все бессмертны, дружище! Обратите внимание, никто до меня этого доказать не мог, а мне довелось, в 95-м автобусе. Маленький сбой в механизме, накладка во времени – и на тебе, одновременность вместо последовательности! Люк должен родиться после моей смерти, а он... Я уж не говорю о той сказочной случайности, что я встретил его в автобусе. По-моему, я уже говорил, что у меня была какая-то полнейшая уверенность, без слов. Так – и точка. Однако вскоре возникли сомнения, ведь в подобных случаях обзываешь себя идиотом или пьешь успокоительное. И вместе с сомнениями, убивая их одно за другим, приходили доказательства того, что я не ошибся, что причин сомневаться не было. То, что я вам сейчас скажу смешит этих кретинов больше всего, когда мне вдруг приходит в голову с ними поболтать: Люк был не только мной в детстве, он должен был стать мной и потом, стать таким же, как бедняга неудачник, беседующий сейчас с вами. Стоило только взглянуть на него, когда он играл, тяжело плюхался на землю, ломал себе ногу или выбивал ключицу; а эта его девичья чувствительность, как он весь заливался краской, едва его спрашивали о чем-нибудь! Мамаша,

наоборот, не смущалась, ну и обожают они все поболтать, неважно, что парень сидит рядом и умирает со стыда; они тебе все поведают: и интимности самые невероятные, и байки про первый зубик, и про рисуночки восьмилетнего чада, и про болезни... Добрая душа, конечно, никого не подозревала, и дядя играл со мной в шахматы, я стал вроде как членом семьи и даже одолжил им денег до конца месяца. Я без труда выяснил прошлое Люка: надо было только вставлять вопросы в разговоры, интересовавшие стариков, в разговоры про ревматизм дядюшки, про злыдню-консьержку, про политику... Так, между шахами и размышлениями о ценах на мясо я постепенно узнавал детство Люка, и доказательства моего открытия становились все неопровержимей. Но поймите меня правильно – а я, пока суд да дело, попрошу еще по рюмочке – Люк был мной в детстве, однако не воображайте его моей точной копией. Скорее он был аналогом, понимаете, ну, скажем, я в семь лет вывихнул себе запястье, а Люк – ключицу, в девять у нас были соответственно корь и скарлатина; тут, конечно, вмещалась история, дружище: у меня корь длилась пятнадцать дней, а Люка вылечили за четыре – достижение медицины и всякие прочие штучки. Всему были аналоги, и поэтому вполне могло стать, что, скажем, булочник из булочной на углу – двойник Наполеона, но сам этого не знает, потому что не произошло никаких нарушений, потому что он не повстречался с истиной в автобусе; но если бы он вдруг догадался, то смог бы понять, что на самом деле по-

вторил и повторяет Наполеона, что подняться от посудомойщика до хозяина большой булочной на Монпарнасе – это то же самое, что корсиканцу сесть на трон Франции и что, покопавшись неспеша в своей жизни, он найдет моменты, соответствующие Египетскому походу, консульству и Аустерлицу, и даже поймет, что через несколько лет с его булочной что-то случится, и он кончит свои дни на каком-нибудь острове Святой Елены, которым, наверно, окажется комнатенка на седьмом этаже, но он будет так же сломлен, так же окружен водами одиночества и так же горд своей булочной, которая была как парение орлов. Вы меня понимаете, нет?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.